

ИНТЕРВЬЮ ОЛЬГА ДЕРЯГИНА

ФОТО КОНСТАНТИН ДОЛГАНОВСКИЙ

Последние 20 лет Виктор Хеннер является профессором Пермского и Луисвилльского университетов и знает обе образовательные модели изнутри. В интервью «Компаньон magazine» он поделился своим мнением о реформах российского образования, о том, что и как имеет смысл копировать, а также рассказал, почему американские университеты так мощны и гибки, а студенты и их родители здесь и там такие разные.

? Виктор Карлович, выступая как-то перед аудиторией, вы сказали, что, находясь в Луисвилле, ощущаете себя американцем. Что это означает?

— Ну, если задуматься, то это так и не так. Как университетский профессор — а я уже почти 20 лет как профессор Пермского и Луисвилльского университетов — да. В среднем за это время месяцев шесть в году я преподавал там 100–150 студентам, столько же здесь. Если бы я занимался только исследованиями, как многие мои коллеги, уезжая за границу, наверное, было бы ощущение долгой командировки. Но я нахожусь в среде студентов, раньше повзрослевших, чем у нас, подгоняемых десятками экзаменов в течение семестра, озабоченных необходимостью получать высокие оценки. Средний балл за все годы обучения — ключ к поступлению в магистратуру или нахождение хорошей работы. Каждый день несколько студентов приходят ко мне в кабинет поговорить вообще, чаще с проблемами. Это каждодневная рутина, она полностью подстраивает под систему. Года через два–три, не сразу, пришло понимание их мотивов, того, что многие, несмотря на изначальную слабую подготовку, незаурядные люди. Как правило, студенты очень разговорчивы и откровенны. Вообще американский университет убирает барьеры между преподавателями и студентами. Каждый день в бассейне или тренажёрном зале я занимаюсь спортом с кем-то

из них, часто с выдающимися атлетами — как при этом я могу на кого-то из них смотреть свысока?

Моё ближайшее окружение в Луисвилле — тоже американское. Первые несколько лет я снимал дом, но потом заскучал и стал жить с семьёй (арендую малую часть), где когда-то жила моя дочка, будучи «школьницей по обмену». Стив — известный врач-аллерголог, у него порядка 25 небольших клиник, Мэри — бывшая медсестра. На моих глазах выросли трое их детей: Чарли было два года, когда я его увидел, теперь 20. Все окончили дорогие частные школы, где есть замечательные учителя, директор одной из них, узнав от семьи обо мне, пыталась заманить меня преподавать. Частные школы заинтересованы в том, чтобы у них работали преподаватели с научными степенями. Но, несмотря на все возможности, дети брали самые лёгкие классы, скорее не вышли, а выпорхнули из школы. Дружелюбные, незгоистичные, не испорченные богатством родителей, очень с ними близкие. Общее для всех семей моих друзей, что выросшие дети хотя бы раз в неделю полдня проводят в родительском доме, неспешно ужинают, разговаривают не только о быте, как-то очень тепло. Поступили в дорогие колледжи, все на что-то из fine arts. Вот в этом я не американец, не понимаю, почему родители не прилагают усилий, чтобы дети взяли от образования максимум.